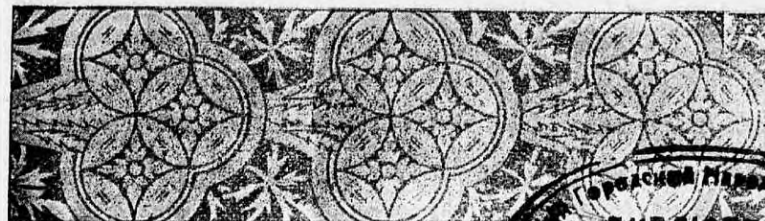

2015169345

801-16
1330

СЕМЬ СЫНОВЕЙ ВЬЮГИ.

Ингушское предание¹⁾.

9306 Это было въ тѣ незапамятныя времена, разска-
зываютъ старики-ингуши, — когда землю населяли
нарты, сотворенные Всесильнымъ Тга послѣ того,
какъ онъ сотворилъ лучшее украшеніе вселенной —
снѣжнаго великана Бешламъ-Кортъ²⁾. Нарты были
могущественные и сильные люди-великаны, которыхъ
Тга поселилъ у подножія горы, въ узкой долинь, по
ложбинѣ которой протекала бурная рѣка.

Сначала въ небольшомъ селеніи было немного лю-
дей — пара нартовъ, отъ которыхъ впослѣдствіи разо-
шлось по долинь и сосѣднимъ чернымъ горамъ

¹⁾ Ингуши — народъ чеченскаго племени, живущій на Кав-
казѣ, въ Терской области. Они частью христіане, частью маго-
метане, частью язычники. На одномъ изъ языческихъ преданій
ингушей основанъ разсказъ, предлагаемый нами читателямъ.

²⁾ Казбекъ-гора.

35077-44

многочисленное потомство. И чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ больше людей оказывалось на землѣ и тѣмъ больше ауловъ (селеній) появлялось у подножій горъ.

Великаны-богатыри славились неслыханнымъ мужествомъ, храбростью и гордостью; въ особенности отличались этими качествами предки тѣхъ сотворенныхъ всеильнымъ Тга нартовъ, которые поселились у Бешламъ-Корта. Они не признавали сосѣднихъ племенъ, давно уже потерявшихъ съ ними первоначальную связь, и проводили жизнь въ набѣгахъ, грабежахъ и разбояхъ. Въ особенности они были беспощадны къ нартамъ-людоедамъ и вели съ ними никогда не прекращавшуюся войну, часто побѣждая ихъ, благодаря своей природной хитрости и уму.

Единственно, кого они еще боялись, это Великаго нарта Тга, ихъ творца и повелителя. Ежедневно приносили они ему у подножія горы въ жертву по одному нарту-людоеду изъ числа тѣхъ, которыхъ они забирали въ плѣнъ во время своихъ набѣговъ. Когда же случалось, что плѣнныхъ не оказывалось и принести въ жертву ненасытному Тга было некого, они бросали между собою жребій и закалывали на алтарѣ того, кто вытягивалъ жребій.

Жилось имъ все-таки плохо. Животныхъ на землѣ еще не было, такъ какъ Тга, населивъ нартами подножія Бешламъ-Корта, удержалъ у себя стада бара-

новъ, предоставивъ созданнымъ имъ людямъ питаться, чѣмъ имъ будетъ угодно. Вотъ почему они и питались разными травами и кореньями, отыскиваемыми ими въ долинѣ. Ихъ враги, нарты-людоеды, не довольствовались такой скромной пищей и стали поѣдать другъ друга; но нарты Бешламъ-Корта разсудили, что, если и они послѣдуютъ примѣру своихъ сосѣдей, то вскорѣ весь родъ ихъ долженъ будетъ прекратиться, такъ какъ ѣсть уже будетъ некого. Однако трава и коренья не могли удовлетворить ихъ вѣчнаго голода, и понемногу они стали роптать на Тга. Въ особенности плохо имъ приходилось зимою, когда начинали дуть холодные вѣтры, растительность вымирала и трава, заготовленная впрокъ, подходила къ концу. Въ эту суровую, зимнюю пору всеильный Тга ревниво пряталъ около себя солнце, чтобы оно сильнѣе грѣло его самого, и окутывалъ его толстыми облаками, чтобы оно не посылало своего тепла на землю. Словомъ, создавъ людей и населивъ ими землю, онъ пересталъ заботиться о нихъ и предоставилъ ихъ собственной участи, вѣроятно, рѣшивъ заняться созданіемъ какого-нибудь другого, болѣе интереснаго дѣла.

Жилось имъ плохо и оттого, что они должны были ютиться въ пещерахъ и спать на голыхъ камняхъ и не имѣли возможности укрыться отъ непогоды и вѣтровъ. И когда великій Тга, въ припадкѣ

веселья, хохоталъ, сидя на своихъ облакахъ и грѣясь у солнца, какъ у хорошей печки, то отъ его хохота сотрясались горы и каменные обвалы свергались на землю и побивали многое множество людей. А когда онъ вздыхалъ отъ какого-нибудь неудачнаго дѣла, то вздохъ его доходилъ до земли въ видѣ ужаснаго холоднаго вѣтра, отъ котораго нарты не знали, куда укрыться, такъ какъ пещеры были открыты съ наружной стороны. Ну, а когда Тга принимался въ припадкѣ злости плакать, то слезы его падали на землю цѣлыми потоками дождя, и нартамъ опять-таки приходилось плохо. Но хуже всего было тогда, когда Тга принимался ссориться съ женой, со старухой Химехниненъ: тогда поднималась буря, вѣтеръ съ страшными порывами проносился надъ землею, вода въ рѣкѣ бурлила и выступала изъ береговъ, снѣгъ валилъ хлопьями, и обвалъ за обваломъ сыпался на несчастныя головы нартовъ.

И они начали роптать. Отношенія между ними и великимъ Тга совсѣмъ испортились. Они знали, по отдаленному преданію, что онъ живетъ въ хижинѣ изъ тростника, спитъ на толстыхъ мягкихъ облакахъ, ѣстъ досыта барашковъ и грѣется до поту у солнца.

Но ропотъ не приводилъ ни къ чему: нарты все-таки продолжали зябнуть и голодать, и если со злости придумывали лишить Тга человѣческой жертвы, то

имъ это никогда не проходило даромъ: Тга посылалъ на нихъ обвалы и вьюги, которыя уносили вырванныя съ корнемъ травы, и еще посылалъ на нихъ моръ, отъ котораго нарты умирали и ослабѣвали такъ, что людоеды ихъ легко побѣждали и поѣдали цѣлыми толпами.

* * *

У самаго подножія Бешламъ-Корта, въ глубокой и обширной пещерѣ жилъ сѣдовласый и длиннобродый нартъ Созруко съ своимъ сыномъ Курюко. Сколько времени жилъ старикъ на землѣ, онъ не помнилъ, не помнилъ себя и молодымъ, да и всѣ, кто знали его, знали уже старикомъ.

Иногда собирались къ нему въ пещеру другіе нарты, и тогда старикъ, раскачивая въ тактъ словамъ своей головой, начиналъ имъ рассказывать о величіи Тга, о его жизни и могуществѣ. И всѣ внимали ему благоговѣйно, уставляя бороды въ землю и поникнувъ головами. Созруко и самъ не зналъ, что говорилъ; порой его слова походили на бредъ, и тогда всѣ думали, что устами его вѣщаетъ самъ великій Тга.

— Какъ дивны наши родныя горы! восклицалъ, закрывши глаза, Созруко, — какъ дивны онѣ, когда утреннія облака покрываютъ ихъ своей розовой тканью, а восходящее солнце золотитъ ихъ вер-

хушки своимъ огнемъ... Великъ въ своемъ твореніи Тга!

— Великъ въ своемъ твореніи Тга! повторяли хоромъ присутствующіе.

— Тихо двигаются барашки-облака, продолжалъ Созруко,—по длинной цѣпи горъ, съ любопытствомъ заглядывая въ ущелья и долины, въ пещеры и пропасти. Кое-гдѣ изъ этого стада облаковъ выглянетъ красный утесъ, покажется верхушка черной горы. Утренній вѣтерокъ поднимается отъ улыбки Тга, и тогда таютъ бѣлыя облачка. Вершина Бешламъ-Корта розовеетъ отъ счастья увидеть улыбку Великаго нарта. Великъ, великъ въ своемъ твореніи Тга!

— Великъ въ своемъ твореніи Тга! опять хоромъ подхватили присутствующіе.

— Бешламъ-Кортъ, продолжалъ старикъ, — верхушкой своей упирается въ самое небо, и голова ся покрыта льдомъ и снѣгомъ, которые никогда не таютъ. И эти льды сверкаютъ на солнцѣ, какъ самоцвѣтные камни... И гора наша выше всѣхъ горъ на свѣтѣ... Когда Тга творилъ міръ, онъ раньше всего сотворилъ нашу гору, чтобы устроить на вершинѣ ея удобный шатеръ изъ тростниковъ, въ которомъ онъ обитаетъ, наблюдая оттуда за созданной имъ землею. Слава великому Тга!

— Слава, слава великому Тга!

Старикъ продолжалъ:

— Были другіе нарты, которые пытались пробраться къ его вершинѣ, и всѣ они погибли, всѣ погибли, даже самые отчаянные смѣльчаки, самые лучшіе воины! Давно это было... очень давно... когда я былъ еще юношей... не упомню. Страшенъ въ гнѣвѣ своемъ великій Тга!

— Страшенъ въ гнѣвѣ своемъ великій Тга! повторили слушатели, послѣ чего всѣ погрузились въ благоговѣйное безмолвіе.

Только одинъ изъ нартовъ, молодой Курюко, внималъ рѣчамъ своего отца съ насмѣшливой улыбкой и дерзкимъ сомнѣніемъ. Давно уже сердился онъ на великаго Тга и не могъ простить ему его равнодушія къ созданнымъ имъ самимъ нартамъ. Онъ, какъ и всѣ, терпѣлъ отъ голода и непогодъ, но въ то время, какъ всѣ молчали, онъ громко ропталъ и проклиналъ свою участь. У него было доброе сердце, и ему жаль было этихъ сильныхъ, но безпомощныхъ людей-великановъ, лишенныхъ самаго необходимаго на землѣ. Онъ понималъ, что, если бы Тга, сотворивъ ихъ, далъ имъ стада барановъ и тростникъ, то они жили бы счастливо, занимаясь скотоводствомъ; людоеды-нарты прекратили бы свое гнусное ремесло, потому что имъ не къ чему было бы питаться людьми, и всѣ набѣги, разбои, распри и ссоры прекратились бы на землѣ. Да и вмѣсто умиловительныхъ жертвъ людьми можно было бы приносить въ жертву барановъ.

И вотъ Курюко вздумалъ перехитрить великаго Тга и доставить людямъ счастье.

Но онъ долго откладывалъ исполненіе задуманнаго имъ плана, долго не рѣшался на него. Онъ думалъ жертвоприношеніями и мольбами умиловить великаго Тга. Но Тга оставался глухъ къ его мольбамъ, потому что жилъ въ теплѣ и сытости; а еще въ тѣ времена было извѣстно, что сытость служить помѣхой къ пониманію голода.

Однажды, послѣ славословія Созруко, сынъ его отправился въ пещеру и закололъ въ ней плѣннаго нарта-людоѣда. Затѣмъ онъ взвалилъ его на костеръ и, зажегши подъ нимъ сухіе корни низкорослыхъ деревьевъ, принесъ людоѣда въ жертву Тга.

Курюко горячо молился во время этого жертвоприношенія. Такъ горячо молился, какъ никогда. Онъ тутъ же растянулся на голомъ камнѣ въ пещерѣ, заснувъ глубокимъ сномъ. На утро, проснувшись, онъ думалъ найти у входа въ свою пещеру стадо барановъ; но ничего подобнаго не нашелъ. Тогда онъ отправился къ рѣкѣ, рассчитывая увидѣть на ея берегахъ лѣсъ тростниковъ. Но и этого не было.

Курюко страшно разгнѣвался. Онъ зналъ, что нартъ-людоѣдъ былъ послѣднимъ въ ихъ пещерномъ аулѣ и что, слѣдовательно, сегодня необходимость заставить принести въ жертву кого-нибудь изъ своихъ. А онъ надѣялся, что этого не

придется дѣлать, что молитва его будетъ, наконецъ, услышана всеильнымъ Тга.

Тогда онъ возропталъ. Онъ почувствовалъ въ себѣ необычайную силу и великое мужество. Если бы ему предстояло теперь сражаться въ рукопашную съ самимъ Тга, онъ и этого не испугался бы.

Вечеромъ, когда нарты собрались къ пещерѣ Созруко, чтобы бросить жребій, кому изъ нихъ надлежитъ быть заколотымъ и сожженнымъ, Курюко обратился къ нимъ съ торжественной рѣчью:

— Братья нарты! сказалъ онъ имъ. — Великій Тга, о которомъ такъ много говоритъ всегда мой отецъ Созруко, забылъ насъ. Мы голодаемъ и бѣдствуемъ и принуждены убивать другъ друга, чтобы удовлетворить ненасытнаго Тга. У него стада барановъ, у него хижина изъ тростника. Развѣ не могъ бы онъ бросить къ намъ пару барановъ и нѣсколько стеблей тростника? Мы бы сумѣли расплодить барановъ и развести тростникъ. Мы бы тогда жили счастливо. Вражда, убійство и распри прекратились бы между нами... И мы приносили бы ему въ жертву барановъ, а не нартовъ. Но Тга слѣпъ и глухъ. Онъ не видитъ нашихъ невзгодъ и не слышитъ нашихъ горячихъ моленій...

Въ это время раздался сильный глухой ударъ грома, и у самой пещеры Созруко упалъ обвалъ, который чуть-чуть не раздавилъ смѣлаго Курюко.

Курюко разразился проклятіемъ и во-время отско-чилъ въ сторону.

Изъ пещеры вышелъ старый Созруко и, воздѣвъ руки къ небу, заговорилъ:

— Привѣтствую васъ, собравшіеся здѣсь нарты! Сегодня мы не приносили жертвы великому Тга, и онъ справедливо гнѣвается на насъ. Вернулись ли наши воины?

— Да! отвѣтилъ ему кто-то.

— Привели ли они нарта-людоѣда?

— Нѣтъ! слышался отвѣтъ.

— Тогда приступимъ къ метанію жребія. Кто-нибудь изъ насъ долженъ быть принесенъ въ жертву. Вы слышите, какъ гремитъ громъ, какъ дрожатъ горы? Великій Тга гнѣвается, что мы забыли о немъ.

— А онъ не забылъ о насъ? воскликнулъ Курюко.

Старикъ укоризненно посмотрѣлъ на сына.

— Молчи! строго сказалъ онъ, — не призывай на насъ страшнаго гнѣва Великаго нарта!

— Я не боюсь его.

— Смотри, онъ перваго накажетъ тебя.

Курюко дерзко улыбнулся, но промолчалъ.

Тогда начали бросать жребій.

Нарты усѣлись широкимъ кругомъ около от-верстія пещеры старика, а одинъ изъ нихъ взо-брался на скалу, выдававшуюся въ видѣ навѣса надъ входомъ въ пещеру. Тамъ онъ обернулся спи-

ной къ нартамъ и бросилъ черезъ плечо камень внизъ.

Камень упалъ какъ разъ у ногъ Курюко.

— Курюко намѣченъ! сказалъ старикъ-нартъ съ глубокой печалью. — Я говорилъ тебѣ, что Тга накажетъ тебя! Прощай, сынъ мой! Никогда, никогда уже больше не увидятъ тебя глаза мои и уши мои не услышатъ твоего голоса. Да будетъ славно имя великаго Тга!

— Да будетъ славно имя великаго Тга! повто-рили нарты.

Громъ пересталъ гремѣть, и небо сдѣлалось яснымъ. Жертва была угодна Тга.

— Теперь ступайте готовить костеръ! сказалъ Созруко и въ великой печали удалился въ пещеру.

— Я пойду принесу старыхъ сухихъ кореньевъ для своего костра, сказалъ смиреннымъ голосомъ Курюко, — у меня ихъ много въ пещерѣ.

И прежде, чѣмъ ему успѣли отвѣтить, онъ исчезъ изъ виду.

* * *

Курюко спустился къ рѣкѣ и скрылся въ пещерѣ, ему одному извѣстной. Онъ боялся преслѣдованія и погони. Онъ досидѣлъ въ укромномъ мѣстечкѣ до глубокой ночи.

— А! злобно шепталъ онъ. — Ты избралъ меня своей жертвой!.. Ты хотѣлъ, чтобы эти трусливые

передъ твоимъ могуществомъ глупцы сожгли меня въ угоду тебѣ!.. Меня, единственного между ними, который осмѣлился роптать на тебя! И что же ты хотѣлъ показать этимъ? Только одно: ты боишься меня! Боишься, и потому хочешь уничтожить! Берегись! Я не боюсь тебя, и я вступлю съ тобой въ борьбу!

Онъ услышалъ невдалекѣ отъ своего убѣжища голоса. Это нарты искали его. Они удивлялись его побѣгу. Никто еще никогда, съ тѣхъ поръ, какъ существовали нарты, не уклонялся отъ жребія быть принесеннымъ въ жертву Тга. Поэтому они повѣрили ему, когда онъ заявилъ, что идетъ за корнями, и отпустили его.

Онъ долго просидѣлъ еще въ своемъ убѣжищѣ, пока все вокругъ не успокоилось и пещерный аулъ не уснулъ мертвымъ сномъ.

Небо заволокло тучами. Собиралась гроза. Великій Тга готовился наказать непокорныхъ нартовъ. Вѣтеръ свистѣлъ и гудѣлъ съ такой силой, что камни съ шумомъ отрывались отъ горъ и скатывались въ долину. Небо было почти черное. Рѣка бушевала, бурлила, клекотала. Даже Курюко почувствовалъ что-то въ родѣ страха въ своей душѣ. Но онъ быстро оправился и вышелъ изъ своего убѣжища.

* * *

Узкое ущелье расширялось по мѣрѣ того, какъ Курюко приближался къ подножію горы, и вмѣстѣ съ тѣмъ долина рѣки поднималась все выше и выше, подходя къ самымъ отрогамъ величественной вершины, покрытой вѣчными снѣгами и льдами, какъ серебряной ризой.

Курюко сталъ подниматься въ гору. Онъ взглянулъ внизъ, въ долину. Угрюмо и непривѣтливо было внизу; по голымъ скаламъ ползла жалкая, чахлая и низкорослая растительность: верескъ, колючка и сѣрые мхи. Рѣка глубоко, на днѣ долины, все еще бурлила и клекотала, роясь по каменистому дну.

Но еще угрюмѣе и непривѣтливѣе было тамъ, наверху, гдѣ растительности почти не было, гдѣ скалы были обнажены даже отъ мховъ и гдѣ начинались унылыя, безнадежныя снѣговыя поля и вѣчные льды. И все вокругъ было мертво и уныло, безмолвно и дико, и черныя скалы, торчавшія изъ-подъ бѣлаго снѣга, казалось, тосковали о чемъ-то.

Курюко поднимался все выше и выше.

Ноги его были уже изранены объ острые камни, но жажда мести все еще поддерживала его, и онъ не замѣчалъ усталости. Бодро шагаль онъ, карабкаясь по скаламъ, цѣпляясь руками за острые выступы ихъ и изранивъ себѣ, кромѣ ногъ, еще и руки.

Когда онъ добрался до вѣчныхъ снѣговъ, онъ остановился въ изумленіи. На остромъ выступѣ

скалы онъ увидалъ хищную лунь серебристую, которая ворочала своими желтыми глазами и тупо созерцала окрестность. Надъ головой Курюко пролетѣлъ огромный орелъ, шумно взмахивая крыльями. Молодой нартъ никогда не видалъ такихъ птицъ, и ему подумалось, ужъ не дошелъ ли онъ до жилья Тга, и не эти ли странныя существа именно тѣ бараны, о которыхъ онъ такъ давно мечталъ и похитить которыхъ онъ такъ смѣло собрался.

Но орелъ пролетѣлъ, и серебристая лунь скрылась изъ его глазъ.

Тогда онъ вспомнилъ, что старые люди рассказывали ему, когда онъ былъ еще мальчикомъ, въ его родномъ пещерномъ аулѣ.

Они говорили, что, кромѣ нихъ, обыкновенныхъ людей-нартвъ, великій Тга создалъ еще необыкновенныхъ одноглазыхъ великановъ и поселилъ ихъ между собою и людьми. Тга, очевидно, по ошибкѣ создалъ ихъ слишкомъ сильными и слегка побаивался ихъ. Но когда создалъ, то было уже поздно, и онъ поспѣшилъ отдать въ ихъ пользованіе нѣсколько животныхъ изъ своихъ многочисленныхъ стадъ. Чтобы поправить свою ошибку, онъ сотворилъ обыкновенныхъ нартвъ и въ отместку за свою оплошность, а также изъ жадности лишилъ ихъ всего и предоставилъ своей судьбѣ, требуя отъ нихъ однакоже непосильныхъ жертвъ.

Въ скалахъ, между вѣчными снѣгами и дномъ долины, приютилось нѣсколько ауловъ одноглазыхъ нартвъ. Сакли ихъ, съ плоскими крышами, покрытыми землею и камнями, прилѣпились къ самымъ скаламъ. Издали невозможно было разобратъ, селеніе ли это, приютившееся въ черныхъ горахъ, или просто груда камней, сложенныхъ здѣсь великанами для какихъ-нибудь построекъ. Только синій дымокъ надъ крайней саклей свидѣтельствовалъ о присутствіи здѣсь живыхъ людей.

Курюко съ удивленіемъ оглядывалъ мѣстность. Онъ не подозрѣвалъ, что, кромѣ нижнихъ нартвъ, существуютъ еще на свѣтѣ нарты верхніе, которые ближе къ Тга, чѣмъ сородичи Курюко.

У порога одной сакли онъ увидалъ одноглазаго нарта, растянувшагося на землѣ и крѣпко спящаго, такъ какъ его единственный глазъ былъ закрытъ. Нартъ своимъ грузнымъ, огромнымъ тѣломъ загородилъ ему дорогу, и Курюко долженъ былъ перешагнуть черезъ него, чтобы получить возможность идти дальше.

Нартъ полуоткрылъ глазъ и взглянулъ на него.

Было уже темно, но луна показалась на темномъ сводѣ неба и освѣщала мѣстность своимъ блѣднымъ свѣтомъ.

— Кто ты? спросилъ юношу одноглазый нартъ.

— Я нартъ изъ долины, смѣло отвѣтилъ Курюко.

— Что ты пришелъ здѣсь дѣлать?

— Я иду къ великому Тга.

— Зачѣмъ?

— Это ужъ мое дѣло.

— А твое, такъ ступай и не мѣшай мнѣ спать!

Я сегодня охотился за ланью и усталъ!

«У васъ есть, за кѣмъ охотиться, подумалъ Курюко съ завистью,— а у насъ, кромѣ травы да кореньевъ, ничего нѣтъ». Но громко онъ не сказалъ этого, а только спросилъ:

— А гдѣ живетъ Тга? Укажи мнѣ дорогу.

— Не мѣшай мнѣ спать! проревѣлъ великанъ.— Иди все прямо. Вонъ тамъ, впереди, бѣлѣетъ ледяное поле... Тамъ живутъ семь сыновей Великаго нарта, семь юношей. Они тебѣ укажутъ дорогу... А если ты сейчасъ не уйдешь, я тебя сброшу внизъ, туда, откуда ты явился!

Курюко поспѣшилъ удалиться.

* * *

Дѣйствительно, вскорѣ онъ достигъ царства семи сыновей Тга.

Темно и холодно было въ этомъ царствѣ. Безконечныя поля, покрытыя пеленою бѣлаго снѣга, раскинулись далеко вокругъ. Сѣрые туманы, гдѣ сплошь,

гдѣ обрывками, заволакивали небосклонъ. Стонали вѣтры, буруны и мятели, и вихри неслись по безплоднымъ полямъ; визгъ и вой ихъ леденилъ душу отважнаго нарта. Черныя скалы, какъ необитаемые островки, мрачно и одиноко торчали тамъ и сямъ, придавая савану пустыни еще болѣе унылый, еще болѣе тоскливый видъ.

Печаль царила въ этихъ суровыхъ снѣжныхъ поляхъ. Ни одного живого существа вокругъ.

Курюко все шелъ впередъ, не замѣчая того, какъ ноги его леденѣли отъ холода, не чувствуя ни усталости, ни желанія отдыха и покоя. Онъ былъ полонъ одной мечтой,— добраться до цѣли предпринятаго имъ путешествія. Жажда мести не только не утихала въ немъ, а разгоралась все больше и больше.

И чѣмъ дальше онъ уходилъ отъ своихъ родныхъ мѣстъ, тѣмъ больше росло въ немъ чувство жалости къ тѣмъ своимъ обездоленнымъ сородичамъ, которые, ради алчности и злобы великаго Тга, обречены были на вѣчный голодъ.

Но что это?..

Передъ нимъ одна за одной на снѣжныхъ поляхъ выросли семь огромныхъ тѣней, которые закрыли собою полнеба.

Они взялись за руки и затоптали путь Курюко.

— Кто вы? — спросилъ онъ.

И вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, засвисталъ

семь сыновей

ураганъ, вздымая съ собой снѣжную пыль и засыпая ею глаза Курюко.

Это тѣни-великаны смѣялись, и смѣхъ ихъ производилъ эту снѣжную мять.

— Онъ спрашиваетъ, кто мы?! услышалъ юноша ихъ голоса, показавшіеся ему ревомъ бури. — Ты кто? Скажи намъ, кто ты?

— Я нартъ... нижній нартъ... Курюко! силился онъ перекричать свистъ и вой бури. Онъ вдругъ пришелъ въ ярость и крикнулъ, что было силъ, тѣнямъ: — Если вы хотите слышать, кто я, не дѣлайте такого проклятаго вѣтра! Пусть говоритъ кто-нибудь одинъ изъ васъ.

Тѣни разслышали, наконецъ, его голосъ и замолчали. Буря разомъ стихла.

Одинъ изъ нихъ, сдѣлавъ другимъ знакъ молчать, заговорилъ съ Курюко. Тогда онъ почувствовалъ, какъ холодный, но не очень сильный вѣтеръ сталъ обдувать его.

— Ты нартъ изъ долины? говорилъ голосъ. — Какъ же ты попалъ въ наше снѣжное царство?

— Такъ вотъ, попалъ...

— Сюда не забирался еще ни одинъ человѣкъ! говорила тѣнь.

— А я вотъ забрался.

— Зачѣмъ же ты пришелъ къ намъ?

— Я не къ вамъ вовсе пришелъ. Я васъ не знаю, кто вы...

— Мы сыновья великаго Тга.

— Вотъ къ нему-то я и пробираюсь. Укажите мнѣ дорогу: гдѣ онъ живетъ?

И вдругъ опять поднялся великій снѣжный вихрь. Всѣ семеро принялись хохотать.

— Указать тебѣ дорогу? проговорилъ, нахохотавшись, тотъ же великанъ, который говорилъ съ нимъ раньше. — Хитрую вещь задумалъ ты, бѣдный нартъ! Ты хочешь знать, гдѣ живетъ великій Тга?

— Ну да!

— Надъ этими полями, выше высокихъ утесовъ и горъ, выше ходячихъ тумановъ, царитъ старый духъ, могущественный Тга. Его страшнымъ именемъ названы и горы и долины по всей окрестной мѣстности. Лица его никто никогда не видѣлъ. Но видъ его страшенъ и мраченъ, какъ говоритъ наша мать Химехниненъ, царица здѣшнихъ мѣстъ и мать здѣшнихъ вьюгъ. Грива у него косматая, взоры — какъ молніи. И не миновать тому лютой смерти, кто осмѣлился бы взглянуть ему въ очи. А ты хочешь итти къ нему!.. Онъ живетъ одинокимъ, угрюмымъ отшельникомъ. Зачѣмъ ты хочешь итти къ грозному Тга, бѣдный нартъ?

— Я хочу похитить у него пару барановъ и тростникъ.

Эти слова были такъ неожиданны и дерзки, что сыновья Тга уже не смѣялись.

— Тиге! сказалъ тотъ великанъ, который говорилъ съ Курюко все время. — Онъ можетъ тебя услышать.

— Онъ спитъ теперь, проговорилъ другой, — а когда онъ спитъ, то ничего не слышитъ. Зачѣмъ тебѣ его бараны и тростникъ?

— Онъ создалъ насъ, бѣдныхъ нартовъ, отвѣтилъ Курюко, — и населилъ нами землю. Но онъ лишилъ насъ пищи и крова. Часть изъ насъ питается кореньями и травами, а другая часть пожираетъ другъ друга. Я хочу водворить миръ и довольство на землѣ.

— Великій Тга вѣщалъ намъ сегодня сквозь вихрь бурь, что онъ прогнѣвался на нѣкоторыхъ нартовъ и что завтра, когда онъ выпится, наплетъ на васъ страшный моръ.

— За что?

— За то, что вы не принесли ему сегодня обычной жертвы и онъ не могъ обонять дыма этой жертвы. Отчего вы лишили его обычной дани?

— Это меня должны были принести въ жертву. Но я скрылся и вотъ пришелъ сюда. Но... отчего вы не живете вмѣстѣ съ отцомъ и бродите по этимъ унылымъ полямъ?

— Тга прогналъ насъ съ вершины вмѣстѣ съ

нашей матерью Химехниненъ и опредѣлилъ намъ это царство льдовъ и снѣговъ, гдѣ почти никогда не видать солнца, тогда какъ тамъ, на вершинѣ, въ царствѣ великаго Тга, оно сіяетъ какъ огромный костеръ и согрѣваетъ его.

— За что же онъ прогналъ васъ?

— За то, что мы очень легкомысленны. Мы носились по вершинѣ съ одного конца на другой, рѣзвились, смѣялись и хохотали... Это мѣшало ему. Каждое наше движеніе производило вѣтеръ, который леденилъ отца, и каждый нашъ смѣхъ вызывалъ снѣжную бурю... Вотъ онъ и прогналъ насъ сюда и отослалъ отъ себя Химехниненъ, мать вьюгъ. Мы всѣ недовольны имъ такъ же, какъ и ты!

— Значить, вы мнѣ поможете похитить тростникъ и барановъ?

Семеро сыновей Тга стали совѣтоваться между собою, и Курюко слышалъ легкое дуновеніе вѣтерка.

Потомъ все тотъ же великанъ обратился къ нему:

— Хорошо, сказалъ онъ съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ, — мы согласны. Только, что дашь ты намъ за это?

Курюко долго думалъ, но ничего придумать не могъ.

— Что у васъ есть на землѣ?

— Есть трава, корни низкорослыхъ деревь и камни.

— Намъ ничего этого не нужно.

— Есть у насъ скалы и рѣка.

— И это намъ не подходитъ.

— Есть еще огонь.

— Это нашъ природный врагъ. Отъ него мы растаемъ и погибнемъ.

— Есть болѣзни и смерть.

— Болѣзни и смерть? повторилъ великанъ.— Это что же такое?

И когда Курюко объяснилъ ему, онъ сказалъ:

— Ну, это еще хуже огня! Отъ смерти вѣдь тоже погибають, какъ и отъ огня? Нѣтъ, это намъ не подходитъ.

— Больше у насъ ничего нѣтъ.

— Ну, такъ мы и не можемъ доставить тебѣ барановъ и тростникъ.

Курюко повѣсилъ голову и задумался.

— Стойте! крикнулъ онъ, что было у него силъ.— Есть еще!

— Что же? Такое же все негодное, какъ то, что ты намъ назвалъ?

— Не знаю. У насъ есть еще молодыя дѣвушки-нартки.

— А! радостно вскрикнулъ великанъ.— Это такіе люди безъ усовъ и бороды? Я видѣлъ одну такую, когда спускался однажды до границы нашего царства. Она мнѣ очень понравилась.

— Ты, вѣрно, видѣлъ одноглазыхъ дѣвушекъ... У насъ онѣ лучше. У нихъ по два глаза.

— И ты подаришь намъ по такой дѣвушкѣ?

— Да.

Великаны опять пошептались между собою.

— Ну, сказалъ опять тотъ, который все время говорилъ съ Курюко,—мы согласны! Идемъ же, пока старикъ спитъ. Слѣдуй за нами.

Они пошли впередъ, взметая за собою тучи снѣжной пыли. Курюко послѣдовалъ за ними. Снѣгъ слѣпилъ ему глаза, забирался въ рукава, леденилъ его. Зубы его стучали другъ о дружку, и холодъ захватывалъ его дыханіе.

* * *

Но онъ все шелъ, еле поспѣвая за легкомысленными братьями.

Шли они долго, такъ долго, что Курюко не могъ уже сообразить времени.

И вотъ, наконецъ, ледяныя поля кончились. Взору Курюко открылась дивная картина. На самой вершукѣ горы, обнаженной отъ льда и снѣга, стоялъ тронъ, окутанный облаками. Сверху, съ голубого неба сіяло горячее солнце, очевидно, никогда не заходившее; а по глубокимъ полямъ неба гуляли стада бѣлыхъ и сѣрыхъ барашковъ, и ихъ было такъ много, что у Курюко не хватило умѣнья сосчитать ихъ и закружилась голова оттого, что онъ все время держалъ ее поднятою кверху. Вокругъ трона

росли цѣлые лѣса великолѣпнаго тростника, а не-
подалеку отъ трона виднѣлась тростниковая хижина,
изъ отверстія плоской крыши которой взвивался къ
небу синій дымокъ и пахло такъ вкусно жаренымъ
мясомъ, что Курюко почувствовалъ страшный голодъ.

Семь великановъ остановились. Они сдѣлались
теперь меньше и шатались отъ слабости, какъ на-
стоящіе тѣни.

— Смотри, прошепталъ одинъ изъ нихъ, и Ку-
рюко еле слышалъ его голосъ, — вонъ сидитъ Тга,
закрытый туманами и закутанный бѣлымъ саваномъ.
Онъ тихо дремлетъ, тоскуя въ своемъ одиночествѣ. А
тамъ, въ хижинѣ, ему готовится пища.

— А какъ же достать барашковъ? спросилъ не-
терпѣливо Курюко. — А какъ же вырвать тростникъ?

— Тростникъ около тебя. Если у тебя хватитъ
силы, вырви его. Мы не можемъ этого сдѣлать: мы
очень слабы. Солнце нашъ лютый врагъ. Если мы
еще долго пробудемъ здѣсь, то вовсе растаемъ. Спѣши,
чтобы намъ можно было уйти!

Курюко торопливо вырвалъ съ корнемъ тростникъ,
раскачалъ его надъ головою и бросилъ внизъ на
землю.

Въ это время барашки низко спустились съ неба
и бѣжали по самой верхушкѣ горы.

Два барашка точно играли другъ съ другомъ, пе-
регоня одинъ другого.

— Лови! слабѣющимъ голосомъ сказалъ одинъ
изъ семерыхъ сыновей Тга.

Курюко разставилъ свои руки и поймалъ обоихъ
барашковъ. Сначала они казались ему легкими и мяг-
кими какъ облачко, но потомъ онъ ощутилъ подъ ихъ
завитой, блестящей и шелковистой шерстью мясо и
кости. Да, да, это были настоящіе, живые барашки!

Онъ взялъ по одному въ каждую руку, сильно рас-
качалъ ихъ надъ головою и бросилъ внизъ, въ свой
родной аулъ.

— Они убьются! съ горестью сказалъ онъ, и
сыновья Тга стали изо всей мочи дуть, чтобы под-
держать барашковъ и не дать имъ разбиться о землю.
Но дыханіе ослабѣвало все больше и больше у семи
младшцевъ. Тѣмъ не менѣе барашки закружились въ
воздухѣ и плавно стали опускаться на землю.

* *
*

Но тутъ произошло нѣчто ужасное.

Старый Тга проснулся. Облака вокругъ трона
разсѣялись, и Великій нартъ выглянулъ изъ нихъ.
Лицо его было такъ страшно, что Курюко упалъ
ницъ и пересталъ дышать. Ему показалось, что
онъ умеръ.

И вдругъ поднялся страшный ураганъ; небо сразу
потемнѣло, солнце померкло, — его заволокли густыя
тучи; цѣлыя груды обломковъ камней и скалъ стали

срываться съ окрестныхъ вершинъ. Въ сознаніи Курюко промелькнула мысль, что теперь засыпаны каменными завалами пути и селенія на его родинѣ.

Гора дрожала такъ, что Курюко качало изъ стороны въ сторону.

Тга нагнулся надъ выступомъ скалы; тучи и туманы разсѣялись, и онъ увидѣлъ внизу, на землѣ, стволъ тростника, воткнутый въ землю, и двухъ барашковъ, пасущихся на полянкѣ.

Тогда гнѣву его, казалось, не было предѣловъ.

— Обокрали! закричалъ онъ, и все вокругъ задрожало отъ ужаса. — Теперь будетъ расти тростникъ на землѣ и будутъ на ней плодиться барашки. И нарты сравняются со мной и не будутъ мнѣ больше приносить умиловительныхъ жертвъ, — они забудутъ меня! Страшная кара, неслыханная кара ждетъ дерзкихъ похитителей! Слушайте судъ великаго Тга!

Онъ кричалъ еще долго, и семь сыновей его становились все слабѣе, слабѣе и меньше, а Курюко все еще бросало изъ стороны въ сторону, и онъ все еще не могъ отдѣлаться отъ дрожи.

* * *

Наконецъ, Тга громко крикнулъ:

— Приди, сюда, Химехниненъ, коварная жена моя, родившая мнѣ семь измѣнниковъ-сыновей!

И тотчасъ же послѣ этихъ словъ что-то пронеслось

по воздуху, и вьюга сдѣлалась такою, что Курюко показалось, будто наступаетъ конецъ міра.

— Слушай судъ великаго Тга! повторилъ громовымъ голосомъ Великій нартъ и смирилъ вьюгу.

Мать вьюгъ трепетно склонилась передъ страшнымъ властителемъ горы.

— Отнынѣ дерзкій нартъ, осмѣлившійся похитить у меня барашковъ и тростникъ, будетъ прикованъ въ царствѣ одноглазыхъ великановъ, въ пещерѣ. Онъ будетъ до тѣхъ поръ прикованъ къ скалѣ, пока у людей не переведутся барашки и не изсохнетъ весь тростникъ. И никогда у людей не переведутся барашки и не изсохнетъ тростникъ. И всегда, навѣки вѣковъ дерзкій нартъ будетъ томиться въ пещерѣ. Горный орелъ будетъ ежедневно прилетать къ нему и терзать клювомъ своимъ его сердце. А ты, мать вьюгъ, царица Химехниненъ, будешь сторожить его. У тебя будетъ горѣть на снѣгу неугасимый огонь. Будетъ у тебя и неистощимый хлѣбъ и неистощимая нога барашка. И послѣ каждой твоей трапезы хлѣбъ и барашекъ окажутся на томъ же мѣстѣ. Ты начертишь вокругъ пещеры волшебный кругъ, котораго нельзя будетъ перешагнуть ни одному смертному. Каждый смѣльчакъ, который покусится на это, будетъ сброшенъ твоимъ дуновеніемъ въ пропасть, и ты его завалишь ледянымъ обваломъ, мать вьюгъ! Вотъ тебѣ наказаніе за то, что ты родила мнѣ семь

легкомысленныхъ измѣнниковъ. Такъ говорить и судить великій Тга!

Мать व्यюгъ вздохнула, и Курюко былъ унесенъ вихремъ въ пещеру.

Тогда Тга вѣщалъ своимъ сыновьямъ:

— Васъ, легкомысленные сыновья, я буду судить строгимъ судомъ. Дерзкій нартъ, похитившій мое добро, думалъ о земномъ и хотѣлъ осчастливить своихъ родичей, — за то онъ будетъ прикованъ къ землѣ, къ твердой скалѣ, на вѣчныя времена. Небо, въ которомъ вы рождены, наскучило вамъ, — я прикую васъ къ небу навѣки вѣковъ. Вы будете украшать собою темное небо, всѣ семь, неразлучно, чтобы вамъ не было скучно... Вы будете блистать звѣздами и съ недосягаемыхъ высотъ смотрѣть на эту жалкую землю!... И назовутъ васъ люди созвѣздіемъ Дардза-Куангиджъ (Вьюгины Сыновья)... ¹⁾.

И сказавъ это, онъ повелѣлъ богинѣ व्यюгъ, старухѣ Химехниненъ, вызвать великую бурю. Всѣ семь сыновей ея были подняты на воздухъ, и по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ земли, они становились все меньше и меньше и казались уже свѣтлыми звѣздочками.

Буря давно уже стихла, и все пришло въ обычный порядокъ на вершинѣ Бешламъ-Корта.

* * *

¹⁾ Такъ ингуши называютъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Многое множество вѣковъ прошло послѣ того, какъ нартъ Курюко похитилъ у Великаго Тга тростникъ и барашковъ и былъ за это прикованъ къ острой скалѣ.

Многое множество разъ смѣнялась зима лѣтомъ и осень весною. Много на землѣ развелось барашковъ и тростнику. И люди стали жить въ полномъ довольствіи, сытости и привольѣ. И всѣ съ глубокой благодарностью вспоминаютъ до сихъ поръ отважнаго нарта и изъ поколѣнія въ поколѣніе передаютъ повѣсть объ его подвигѣ и гибели.

А только Курюко и до сихъ поръ еще прикованъ къ угрюмой скалѣ Бешламъ-Корта, и до сихъ поръ ежегодно прилетаетъ къ нему горный орелъ и терзаетъ его великодушное, храброе сердце. И до сихъ поръ сторожить его старуха Химехниненъ и ѣсть передъ его утомленными глазами неистощимый хлѣбъ и неистощимую баранью ногу. А ему, похитившему барановъ, такъ и не удалось попробовать этой вкусной пищи. Старуха, озлобленная на него за наказаніе, которое ей приходится нести изъ-за него, и за потерю своихъ сыновей, кормить его сухими кореньями и поить снѣжной водой.

По ночамъ мать व्यюгъ глядитъ на далекое небо, съ котораго свѣтятъ ей семь звѣздъ, которыя были когда-то ей сыновьями, и горько плачетъ объ ихъ неволѣ.

Иногда она выходитъ изъ себя, неистовствуетъ, бранится и бьетъ безпомощнаго нарта. И тогда сыплются на людей завалы, грозно воетъ въ долинь буря, огромными густыми хлопьями падаетъ снѣгъ. Но все это очень рѣдко приносить людямъ несчастье. Они грѣются въ такіе дни въ своихъ тростниковыхъ домикахъ у огня очага и ѣдятъ вкусныхъ барашковъ. Развѣ путникъ какой не успѣетъ въ-время укрыться отъ непогоды и дѣлается жертвой злой старухи.

Много дерзкихъ людей за эти минувшіе вѣка пытались пробраться за волшебную черту Бешламъ-Корта, охраняемую богинею выюгъ. Но всѣ они, испуганные пѣтушинымъ крикомъ, которымъ ихъ пугала старуха, бѣжали назадъ, если какимъ-нибудь чудомъ спасались отъ гибели. И тогда люди пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что нужно смириться, тѣмъ болѣе, что нарты изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣлались мельче и слабѣе, пока не выродились въ обыкновенныхъ людей. И эти обыкновенные люди признали власть Химехниненъ и поставили ей въ Девдоракскомъ ущельѣ жертвенникъ, на которомъ и приносятъ ей умиловительныя жертвы.

* * *

Но Курюко все еще прикованъ къ скалѣ. Онъ обросъ волосами и бородой, и сдѣлались они бѣлыми, какъ тѣ снѣжныя поляны, которыя его окружали.

Толстая цѣпь удерживаетъ его за шею у скалы; ногти его отросли въ видѣ могучихъ корней и слились съ краями горы; глаза его горятъ какъ каменные угли. Жажда мучитъ его: старуха рѣдко-рѣдко, въ особенно добрыя минуты, даетъ ему талаго снѣга, который не утоляетъ жажды, а только раздражаетъ ее. И онъ кричитъ отъ этой мучительной жажды. Близъ него журчитъ горный ключъ, съ прозрачной какъ кристаллъ водою. Но только что несчастный нагнется къ ключу, какъ тотъ быстро отъ него убѣгаетъ.

Бываютъ минуты, когда Курюко не въ силахъ перенести мученія. Онъ тихо стонетъ, и горячія слезы капаютъ изъ его глазъ. Эти слезы сбѣгаютъ въ долины и образуютъ цѣлительныя ручьи, приносящіе большую пользу людямъ.

Одинокій страдалецъ вѣчно будетъ страдать за свой смѣлый подвигъ, и люди вѣчно будутъ благоденствовать.

Вотъ какіе люди, говорятъ старики-ингуши, — жили когда-то на свѣтѣ, и вотъ почему «нартскихъ людей всѣ любятъ» ¹⁾.

¹⁾ Ингушская пословица.

МАГАЗИНЪ КНИГЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ

Н. Н. МОРЕВА

ПОДЪ ФИРМОЮ

Н. ФЕНУ и К^о.

Телефонъ № 1323.

Телефонъ № 1323.

Комиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества, Учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной Комиссіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ и Министерства Народнаго Просвѣщенія по снабженію наглядными учебными пособиями и училищною мебелью.

С.-Петербургъ. Невскій пр., д. № 90 — 92.

Отдѣлы магазина:

1) **Книжный.** (Всѣ издаваемыя въ Россіи книги по цѣнамъ, объявленнымъ издателями: изящная литература, научныя сочиненія, учебныя и дѣтскія книги, а также дешевыя изданія для школъ и народа).

2) **Наглядныхъ пособій.** (Картины, атласы, глобусы, коллекціи, таблицы, приборы по физикѣ и химіи, модели и проч.).

3) **Письменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ принадлежностей.** (Бумага, дешевыя тетради, карандаши, перья и проч.; готовальни, краски и пр.).

4) **Классной мебели.** (Парные и одиночные столы, классныя доски и проч. отъ самыхъ дешевыхъ цѣнъ. Приѣмъ заказовъ на классную мебель по умѣреннымъ цѣнамъ. Ремонтъ досокъ и проч.).

Волшебные фонари и картины къ нимъ.

Фонари лучшихъ заграничныхъ фирмъ отъ 40 руб. до 200 руб.; имѣются и на болѣе дешевую цѣну.

Картины въ 3 дюйма на стеклѣ: черныя по 55 коп. и раскрашенныя по 1 руб. 25 коп. Имѣются также картины особо художественной раскраски по 2 руб.

Подробный каталогъ волшебныхъ фонарей, картинъ и принадлежностей для устройства чтеній высылается фирмою Н. Фену и К^о по требованію бесплатно.

Принимается подписка на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.